

Георгий Юров

Звезда

Хроники Серединного мира

Nova Totius
TERRARUM
ORBIS
TABULA
ex officina G. a Schagen
Amstelredami

12+

Георгий Юров

Звезда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57365963

SelfPub; 2023

Аннотация

Книга из жизни Серединного мира – мира вымышленного мною, но, возможно, существующего в иной Галактике или в параллельном нашему измерению, и события, о которых ведётся в ней рассказ, происходят там в это время.

Георгий Юров

Звезда

Правил Северным королевством король Рей Гард, однако никаких важных решений не принималось без одобрения великого канцлера Сириуса Лайфгарда. То был странный человек, с немощным телом и железной волей. От того что родили его последним в уже солидном возрасте или от какого недуга, но появился на свет будущий канцлер с искривлёнными полукругом ногами и был вынужден ходить мелко семеня, переваливаясь словно утка из стороны в сторону. Лишённый обычных детских игр юный Сириус узнавал о радостях жизни из пахнущих вечностью рукописей.

Мать его была дальней родственницей короля и, хотя это не давала ей привилегий (в том замкнутом мире, когда жёниться приходилось на людях своего рода, все были друг другу немного родственниками), но и не позволяло совсем уж бедствовать. Муж служил Хранителем в королевской библиотеке, и хотя Эд Гард был равнодушен к рукотворной мудрости, за огромным количеством манускриптов, разных эпох и народов внимательно следили, поддерживая в читабельном виде. Старинные пергаментные книги и папирусные свитки с описанием жизни давних царей и подвигов героев, научные трактаты и поэмы древних классиков, рассказы об истории человеческой цивилизации и зарождении жизни на

земле. Книг было так много, что они с трудом находили себе место на полках, уходящих на добрых двадцать футов к сводам полукруглых потолков. Боясь пожаров и мародёрства, прежние владыки сделали библиотеку из камня, с тяжёлой обитой железом дверью и зарешёченными прямоугольными окнами, хотя вход в неё был свободен для всех желающих.

В обязанности Хранителя входила классификация рукописей по тематике: медицина, астрономия, математика, философия, биология, архитектура, зоология, искусство, поэзия и многое другое. Всё это заносилось в специальные каталоги и снабжалось соответствующими ссылками. Иногда рукописи докупались у пиратов или контрабандистов и оценкой их, установлением ценности, если было нужно переводом и реставрацией, тоже занимался отец Сириуса, Мастер Лирус Лайфгард. Работа была трудной и кропотливой, занимающей всё свободное время. Произведя на короля впечатление своими познаниями и кругозором, он стал воспитателем королевских детей, получив разрешение обучать своего единственного сына вместе с ними.

Хотя на уход и перевод текстов с чужих наречий на язык Серединных земель уходило немало золота, Эд Гард его не жалел, понимая ценность своего наследства. Огромная библиотека (вернее, часть её – вторая была в Добробране), досталась ему от древней цивилизации – могучей империи, когда-то правившей на этих землях, павшей и уже не возродившейся. Говорят, те древние люди обладали мудростью,

полученной от богов, но даже боги не спасли их, когда предки северян вторглись сюда, спасаясь от Холода, что сковал льдом и снегом их прежнюю родину. Северяне и Добробран изначально были одним народом, но со временем между ними появилась рознь, хотя язык так и остался общим, изменившись лишь на уровне диалектов. Жители севера остались верны своим старым богам и старым порядкам, когда те, кто пошёл дальше, им изменили, изнежились, смешавшись с аборигенами, бежавшими на юг и переняв не только их обычаи, манеры, одежду, но и веру. Север был суровым местом, такими он сделал и тех, кто тут жил.

Мать Сириуса тоже оказалась при дворе, в её обязанности входило расчёсывание длинных волос королевы, а в подчинение находилось несколько человек занимавшихся уходом за царскими покоями. Всего у родителей Сириуса было одиннадцать детей, и состояние беременности являлось для матери обычным.

Из всех до зрелого возраста дожило только трое – Сириус и две его старших сестры, выданных замуж благодаря родословной матери в хорошие семьи. Тяга к знаниям – это всё что оставалось мальчишке и он, быстро овладев грамотой и счётом, проявил недюжинные способности в обучении. Казалось бы, должность управителя в богатом доме ему гарантирована, но это было не тем, о чём мечтал способный ученик. Говорят, ему просто повезло, что, будучи одного возраста с королевским отпрыском, какое-то время вместе

с ним обучался наукам. Но имея гораздо больше способностей, далеко ушёл вперёд, произведя на принца впечатление и как ни странно, они даже стали друзьями. То была странная дружба, тщедушного уродца с большой головой и высокого, стройного русоволосого красавца – людей, казалось бы, не имевших ничего общего.

Ещё более странным было то почти гипнотическое влияние, которое оказывал на наследника Сириус. Никто не понял, как он стал приближённым юного принца, но Рей Гард без советов Сириуса не начинал важного дела. Старый король смотрел сквозь пальцы на увлечение отпрыска «этим уродцем», откровенно потешаясь над сыном Бумажного Червя, (как звали за глаза переписчика текстов), за его физические недостатки. В то суровое время не иметь возможности постоять за себя означало быть конченным человеком. «Уродец» терпел насмешки с непроницаемым лицом, будто к нему это не относилось; ему вообще удавалось скрывать свои чувства и, обладая острым умом, он неплохо играл в карты и трик-трак.

Всё изменилось в одночасье, когда король, могущественный Эд Гард, человек ещё совсем не старый, придя из очередного военного похода внезапно заболел. Ему становилось всё хуже, вскоре он впал в горячку и через четыре дня умер, не объявив своей последней воли. У него было четверо сыновей и два брата, тоже претендовавших на княжеский стол. Рей Гард родился третьим по счёту и вторым мальчиком, так

что шансов сесть в тронный зал Зелёного Дола не имел.

Северное государство, включая Зелёный Дол, состояло из пяти провинций, слабых по отдельности, но вместе представлявших мощный кулак. Теперь же, после смерти короля в этих землях началась смута. В самых крупных королевствах правили братья Эд Гарда, в двух оставшихся его малолетние отпрыски, при посредстве регентов из местной знати. Никто больше не желал отдавать часть своего богатства в номинальную столицу, и подчиняться центральной власти тоже. Да собственно таковой больше и не было. Старший брат Рей Гарда Неман, готовившийся к церемонии Возведения на престол, с дядьями ссориться опасался, скрепя сердце, принимая сложившееся положение дел. А суть его была таковой, что хотя об отделении речь вроде бы не шла и дядья, как и братья, ставшие заложниками местной знати, на словах принимали главенство Зелёного Дола, на деле же в провинции правили свои законы и слово принца мало что значило.

Войско столицы было самым многочисленным, но против четырёх объединённых армий не выстояло бы. О гражданской войне старались не говорить, но каждый региональный правитель настороженно смотрел не только в сторону Зелёного Дола и на своих соседей. Армия дядьёв была такой же по численности, как и армия Немана, и Арий с Ураном являлись грозной сплочённой силой. Их владения территориально превосходили площадь Зелёного Дола, но земли там были скудны на пашню и сочные пастбища. В основном то

была непролазная чаща на болотистой почве, упирающаяся в северную вечную мерзлоту. Где водилось вдоволь рыбы и пушного зверя, но лето пролетало слишком быстро, чтобы отогреть землю. Ситуация в стране стала неопределённой, усугублённой тем, что раз налоги с вассальных земель перестали поступать в центр, Зелёный Дол прекратил отправлять в провинцию провиант. Дефицит овощей, фруктов и хлеба ещё не сказывался, но запасы заканчивались и если не голод, то строгое ограничение продуктов должно было наступить со дня на день.

Если властная верхушка хранила молчание по этому поводу, то народ не стеснялся в выражениях. На базарных площадях ораторы с подвешенными языками призывали народ к открытому бунту:

– «Зелёные» не дают нам хлеба, надеясь голодом сломить нас, то я говорю вам: у них ничего не выйдет!

– Как же, не выйдет. Посмотрю я на тебя, Ворон, когда жрать будет нечего; на брюхе к Неману приползёшь, – насмешливо выкрикнул кто-то из толпы, но оратор, пытаясь взглядом определить крикуна, ответил:

– О нет, я не из тех, кто ползает на брюхе. Я пойду и возьму своё, мы столько лет платили дань Эд Гарду, что теперь настало время рассчитаться. Если вам не всё равно, что будет дальше не стоит ждать, нужно пойти и заявить о своих правах!

– Хватайте его! – крикнул начальник караула, сохранив-

шего верность присяге, приближаясь к оратору, но стражников было слишком мало и люди вставшие стеной просто не позволили им этого сделать. Солдаты не особо стремились исполнить приказ, ведь Зелёный Дол был слишком далеко, да и шаткость позиций нового короля не способствовала служебному рвению.

– Это бунт! С вас за это живьём сдерут кожу! – обескураженно кричал командир стражников, хватаясь за меч, но понимая бессмысленность дальнейших попыток разогнать недовольных, только злобно сверкал глазами, выкрикивая бесполезные угрозы и, в конце концов, ретировался под свист и улюлюканье ликующей толпы.

– Вот видите! – продолжил названный Вороном человек. Он и впрямь походил на хищную птицу: невысокий, сухой, с забранными обручем чёрными, как смоль волосами, вряд ли натурального цвета, ведь большинство местных жителей были русоволосыми. Дополнял сходство большой, с заметной горбинкой нос, напоминающий птичий клюв. – С меня одного давно бы уже содрали шкуру как со скота, но когда мы вместе с нами будут считаться, потому что сообща мы сила! Мы – таран, способный пробить любые стены, и правителям придётся идти на уступки! Хватит молчать, пришло время сказать чего мы хотим! И поверьте, нас услышат!

С трудом выбравшись из толпы, которой уже стала мала обширная площадь, двое мужчин среднего возраста шли по выложенной брусчаткой улице, направляясь к центру, а на-

встречу им поодиночке и целыми группами спешили люди. Удалившись на достаточное расстояние один из мужчин, худощавый брюнет высокого роста спросил своего спутника, пониже, в таком же сером плаще, только с накинутым на голову капюшоном: – И что ты думаешь по этому поводу? По моему, он во многом прав.

– Он прав лишь в одном: когда мы вместе, мы сила. Жаль только, умирать придётся поодиночке. Пока всё идёт так, как и было предсказано, пора доложить об этом лордам Севера.

Волна народного недовольства, дойдя до пика, стала спадать, но произошедшее вскоре событие всколыхнуло с новой силой Северное королевство. Обозы с провиантом, собранные фермерами для отправки в столицу Ария Лим пропали. Собравшись вместе в условленном месте, караван гружённых провиантам телег выехал в город, но до места не дошёл, пропав вместе с отрядом солдат приданных для охранения. На эту провизию в столице княжества рассчитывали, отдав за неё с трудом собранные деньги, и теперь над Лимом нависал призрак голода, ведь фермеры собрали всё что могли, без особого ущерба для себя.

Арий обратился к брату, положение которого было примерно таким же и тот, приняв сложное решение, распорядился направить в Лим продовольственный конвой. Но подстрекаемые фермерами крестьяне перехватили его, не дав разрешение на вывоз. Добрососедские отношения, давно скрепленные родственными связями, были забыты, голод

угрожал каждому, и думать теперь приходилось только о себе.

– Сир, при всём уважении, мы не дадим обозу уехать в Лим, ведь этот провиант нужен нам самим, скоро зима и до следующего урожая очень далеко, – обращаясь к командиру отряда, произнёс спокойно, но решительно делегат от недовольных, больше похожих на разбойников, чем на крестьян. Их было десятка три, вооружённых пращами, топорами и самодельными копьями. Перегороженная поваленными деревьями дорога здесь делала поворот, огибая нависшие над нею каменистые холмы и другого пути к переправе, разделявшей княжества, тяжелогруженным подводам не было. Солдат было гораздо меньше, но то были закованные в броню обученные воины и за исход стычки капитан не переживал. Но сражаться с этим отчаявшимся сбродом не хотелось, такая победа не делает чести солдату, да и время, в которое их будут ждать означено к полудню, а до него оставалось не так уж и много.

– О каком уважении к короне говоришь ты, раз препятствуешь выполнению приказа своего государя? Если хотите дожить этот день, убирайтесь с дороги и заберите эти чёртовы брёвна, – тоном хозяина положения ответил он, сидя на гарцующем боевом жеребце, побывавшем с ним во множестве переделок и всегда возбуждённо пританцовывавшим перед схваткой. «Бою быть», – мысленно чертыхнувшись, подумал он, ощущая, как нервное возбуждение скакуна пе-

редаётся ему, выразившись в мелкой дрожи, пробежавшей сверху вниз по телу. От коня в этом дремучем лесу было мало толка, а вот то, что он представляет собой отличную мишень, в которую первым делом полетят копья и стрелы, это начинало беспокоить.

– Я так и думал, что ответ будет таким, но делом чести было дать вам шанс предотвратить кровопролитие...

– Про какую честь идёт речь, раз вы устроили на нас засаду как разбойники, – перебил он и, уловив краем глаза, сбоку движение инстинктивно поднял жеребца на дыбы, защищаясь им словно щитом. Тяжёлое копьё насквозь пробило шею скакуна; обливаясь кровью, замотав головой, конь попытался назад, сминая оборонные порядки, и капитан, успев прыгнуть на землю, выхватил из ножен меч.

В солдат полетели камни, в крестьян стрелы и копья, они больше не были одним народом, а лишь врагами, желавшими смерти друг друга. Спустя время плохо вооружённые оставшиеся в живых мятежники были рассеяны по окрестному лесу, раненные взяты в плен, но и солдаты понесли потери, и в связи с произошедшими событиями было принято решение возвращаться.

Уран, правитель Гидеона, задумчиво смотрел поверх головы стоящего перед ним разбившего мятежников капитана и наконец, произнёс:

– Вы не выполнили мой приказ.

– Нет, Ваше Высочество, не выполнил и готов понести за

это наказание.

– Мне доложили, что Вы вели себя мужественно и решительно, потеряв трёх человек убитыми.

– Не нужно быть героем, воюя с крестьянами. Я потерял добрую треть отряда; прошу снять меня с должности Вашего командира. Раз солдаты дали себя убить людям далёким от военного дела, значит, я плохо их подготовил и недостойн должности, – обдумывая услышанное, Уран медленно склонил длинноволосую голову с блестящей проплешиной на темени, раздражённо отметив, что с порядочными людьми всегда так: другой бы всячески восхвалял собственную персону, а этот делает себя виноватым. Либо слишком глуп, либо слишком хитёр. В другое время он так бы и поступил, но сейчас бывальыми солдатами разбрасываться не стоило.

– Вы не выполнили мой приказ и потеряли часть стражи, но проявив в бою доблесть, сохранили обоз в целости. Я прощаю вас, но и благодарностей не ждите. Исполняйте свои обязанности.

– Когда прикажите вести новый караван?

– Каравана больше не будет. Незачем дразнить гусей.

– Но сир, – воскликнул солдат, – как же договорённости с Арием? Да и не сочтут ли Ваше снисхождение к преступникам за проявление слабости?

– Со своим братом я разберусь. А к преступникам снисхождения не будет. Пусть знают, что тому, кто лишает жизни моих слуг, найдётся место лишь в пекле.

Центральная площадь Гидеона гудела растревоженным ульем в предвкушении кровавого зрелища. Палач, невысокий почти квадратный мужчина с выделяющимся под кожаным передником животом разложив на деревянном помосте свои жуткие орудия, подводил их точильным камнем до остроты бритвы. Как это не странно звучит, но Ноэм любил свою жестокую работу, считая себя не кровожадным монстром, а скорее лекарем, вырезающим язвы на человеческом теле, и был мастером своего дела. Когда было нужно, казнь продолжалась часами, не задевая жизненно важных органов, а в другой раз смерть наступала мгновенно, и Ноэм старался не причинять лишней боли. Казни случались не часто, но всё же случались и палач, будучи человеком которого знал весь город, не носил масок, а покрывал голову капюшоном не из желания спрятать лицо, а лишь скрывая рано появившуюся лысину. Расправа должна была состояться около полудня, но зеваки стали занимать места на площади у помоста ещё затемно.

Вначале вышел зачитывающий приказы глашатай. Развернув свиток, он прокашлялся и, держа написанное на расстоянии почти вытянутых от себя рук, стал перечислять наследственные титулы правителя Гидеона, его достоинства и достижения и лишь после перешёл к главному:

– За преступление против Короны, выразившееся в нападение на продовольственный конвой, направлявшийся к брату Его Высочества, принцу Арию. Преступники, ковар-

но убившие и ранившие доблестных воинов Гидеона, после тщательного разбирательства признаны виновными и приговорены к смертной казни. Зачинщик, известный как Роберт-кузнец, приговаривается к четвертованию, остальные к отсечению голов. Правосудие на стороне закона, никто не сможет, преступив его остаться без наказания. Да будет так, да смилуются над ними боги, – закончив, чтец вновь прочистил горло и, аккуратно свернув свиток, удалился преисполненный чувства собственной значимости.

Потом под охраной, облаченной в доспехи стражи, на подводах в железных клетках привезли шестерых осуждённых с наспех забинтованными ранами. Стража окружила помост, пресекая возможность отбить мятежников, встав полукругом с обнажёнными мечами и готовыми к бою копьями. С трудом поднимаясь на помост, осужденные на жестокую расправу представляли собой жалкое зрелище, мало походя на кровожадных разбойников и толпа, вначале встретившая их свистом, теперь поутихла. Лучше всех держался кузнец, высокий и статный в изодранном, окровавленном плаще. Было ли дело не в значительной тяжести его ран или в силе духа, но он, по крайней мере, старался в свой смертный час выглядеть достойно.

Со стены княжеского замка за казнь наблюдали принц Уран, сановные лица его двора, явно не получавшие удовольствия от кровавого зрелища, но бывшие здесь в свите своего патрона, а также люди Ария, которых волновала не

участь заговорщиков, а отбытие в Лим обоза с провиантом. Когда все условности оказались, соблюдены и, видя, что толпа, для удержания в повиновении которой было устроено зрелище меняет своё настроение, церемониймейстер взмахнул платком и начальник городской стражи крикнул Мастеру Ноэму, перекрикивая уличный гул: – Начинай!

Палач, оставив четвертование на потом, приступил к обезглавливанию. Два дюжих стража схватив одного бедолагу, подвели его, бледного как мел к огромному в объёме дубовому пню, уткнув головой в побуревшее от пролитой крови дерево. Стоявший здесь начальник городской стражи, спросил осуждённого: – Признаёшь ли ты свою вину, разбойник?

– В чём же виниться мне? В том, что я собрал урожай, а вы его отняли?

– Не болтай лишнего! Да или нет?

– Нет.

– Тем хуже для тебя: предстанешь перед богами не показавшись, с озлобленным сердцем и гореть тебе в пекле. Приступайте! – крикнул он Мастеру Ноэму и тот, взяв двуручный обоюдоострый меч, подошёл к бедняге, видевшего лишь его ноги в растоптанных кожаных сапогах. Определив наметанным глазом точку удара, палач поднял меч молниеносным движением, неожиданным для его комплекции и обрушил сталь вниз. В звенящей тишине, установившейся на площади в это мгновение, было слышно, как с рассекающим

плоть звуком, булькая разрубленным горлом, голова с глухим звуком упала на помост. Одной рукой держа меч, палач второю за волосы поднял её и небрежно, словно тыкву бросил в приготовленную ивовую корзину. Помощники в это время оттащили в сторону уже затихшее, брызжущее кровью тело, вытаскивая из клетки новую жертву.

Кто-то упирался, изрыгая проклятия, кто шел, покорно впад в каталептический ступор, кто плакал, умоляя его пощадить, цепляясь за прутья клетки. Через недолгое время всё было кончено и пять обезглавленных трупов, с расплывшимся пятном мочи на промежности холстинных штанов лежали на помосте. Пришла очередь кузнеца. Вспотевшие подручные Мастера Ноэма хотели было вытащить его, но он вышел сам. Пока положив на помосте, его растянутые в стороны руки и ноги привязывали к вбитым крючьям, он успел крикнуть: – Прощайте братья! В том, что сделано, нет нашей вины, виновен тот, кто смотрит сейчас... – но палач, не дав договорить, незаметным с площади ударом пронзил его сердце, прошептав на ухо: – Упокойся с миром.

Осмотрев свой жуткий арсенал, Мастер Ноэм выбрал топор на длинной ручке с огромным полукруглым лезвием. Над помостом, разносясь вокруг, стоял пряный тошнотворный запах крови, человеческих испражнений и пота усердствующих палачей. Кого-то рвало под ноги стоящих вплотную людей, кто-то отворачивался и уходил, стирая слезу, но были и те, кто выказывал явное одобрение происходящему.

Палач, как главное действующее лицо не спешил, ощущая прикованное к себе внимание, это был его день и он, похоже, наслаждался каждым его мгновением.

Блеснув лезвием, топор поднялся верх и опустился с чавкающим звуком, отсекая нижнюю конечность, это было своего рода высшее мастерство с одного удара отрубить берцовую кость взрослого человека. Но Мастер Ноэм обладал таким умением и, ловя на себе полные ужаса взгляды, раз за разом поднимал свое страшное орудие.

– Пожалуй, смотреть больше не на что, – произнёс Уран, обращаясь к послам своего брата. – Пришла пора обсудить незаконченное дело.

– Вы считаете, это было обязательным? – спросил его старший из этой группы, убелённый сединами худощавый мужчина с болезненным румянцем на бледном лице следуя за принцем в его покои.

– Вы имеете в виду казнь? – поворачиваясь к нему, переспросил владыка Гидеона, удивлённо вскинув одну бровь.

– Нет, наше присутствие.

– Ну не тащить же сюда моего брата. А казнь была нужна, чтобы люди знали, что я в состоянии поддерживать порядок и тех, кто нарушает мой закон, ждёт суровое наказание. Хотя, по-отечески мне жаль этих бедолаг, я понимаю причины, побудившие их на это безрассудство. Страх голода, не сам голод, до этого хвала богам ещё не дошло, а его неотвратимое приближение – вот это по-настоящему страшит.

– Вы так говорите, словно голодали всё это время, – присаживаясь на табурет в княжеской резиденции, произнёс поверенный брата. – Хотя я пока не пойму к чему Вы клоните.

– Ах, бросьте эти игры! Всё Вы понимаете: я говорю это за тем, что отправление обоза с провизией, нужной нам самим было опрометчивым шагом, из-за которого погибли люди, мои люди. Вместо того чтобы заниматься своим делом: пахать землю, ковать железо, защищать государство – они мертвы и всё это из-за меня!

– Так что мне передать принцу Арию?

– Передайте принцу, – уже спокойней ответил Уран, поднимаясь со своего места и давая понять, что аудиенция закончена, – пусть отыщет свой собственный обоз.

Границы земель Ария и Урана проходили по обширному сосновому бору и были весьма условны, а территорию Ария и его племянника Рональда разделял исток Леи, ещё совсем не полноводной, только набиравшей силу, собирая в себя многочисленные ручейки и речушки. Столица Рональда Рона была красивым городом в предгорье Большого хребта, лежащего подковой и принимавшего на себя холодные ветры. Северная пологая сторона отрогов густо заросла лесом, южную же представляли собой отвесные скалы, уходящие под облака, как будто Боги рассекли твердь напополам. Такое положение способствовало проникновению сюда тёплых южных муссонов и препятствовало вхождению холодных север-

ных масс. В здешних землях не было затяжных зим, как летом не бывало адской жары, и дети Роны были несколько изнежены и беспечны по сравнению со своими соседями. Тут рос виноград, цвели магнолии и южные растения, привезённые сюда, начинали со временем плодоносить.

Формально Роной и прилегающими землями правил младший сын Эд Гарда Рональд под попечительством опекунского совета, но на деле, особенно в прошедшее после гибели отца время все решения в городе принимала местная знать. Принцу же отводилась роль присутствия на городских собраниях, сидя на инкрустированном позолотой троне. Ему было четырнадцать, он уже вырос из возраста детских забав и старался вникать в происходящее, но ещё слабо разбирался в хитросплетениях политических интриг и видел себя больше воином и охотником, чем государственным мужем.

Городская элита, представленная несколькими семейными кланами, предпочитала поиск компромисса острым конфликтам и в данной ситуации старалась поставить на победителя. Но пока таковой ещё не определился, хорошие отношения поддерживались со всеми заинтересованными сторонами. Основным источником дохода в здешних землях являлся сплав леса, торговля мясом, рыбой и мехом водившихся в окрестных лесах пушных зверей, превращавшихся в непролазные чащи на севере королевства, выращивание зерна и бобов в пойме реки, а также добыча руды в горных рудниках и выплавка железа. Все основные производства были

разделены по заключенному в давние времена договору между тремя влиятельными семьями города, который, во избежание кровавых распрей старались не нарушать. Железная руда и каменный уголь, залежи которого лежали на незначительной глубине, были, почему-то, только во владениях Рональда, к зависти дядьёв, что делало его положение исключительным.

Кто первым нашёл в лесу прикиданные ветвями телеги гружённые провиантом уже не узнать, но пока весть об этом дошла до юного наследника престола, от обоза осталась лишь половина. Местные крестьяне растащили всё по своим дворам, припрятав во избежание наказания.

Принц и его свита удивлённо разглядывали телеги, в которые конюх впрягал лошадей.

– Что Вы думаете об этом, сир? – спросил Рональд сэра Генриха, закованного в броню огромного человека, храбростью снискавшего уважение солдат; хотя особыми мыслительными способностями он не отличался, но его физическая сила и умение рубиться с двух рук боевыми мечами подкупали юношу.

– Я воин, Ваша Светлость. Думаю, Вашим дядьям это не понравится.

– Но мы же здесь не причём, ведь я узнал об этом лишь сегодня утром.

– Вряд кто-то воспримет это всерьёз, – нахмурился старый солдат, зябко поведя могучими плечами.

– Я вижу ситуацию в ином свете, – вмешался до этого молчавший канцлер Сайрус Фиш. Не молодой средней комплекции мужчина с аккуратно подстриженными единым целым усиками и бородкой, хоть и не обладавший большой физической силой, зато просчитывавший ситуацию на несколько шагов вперёд. – Как верно отметили их Светлость, к пропаже каравана принца Ария мы отношения не имеем, и я воспринимаю появления зерна, бобов и овощей как дар провидения. Точнее семи Богов, – Рональд изумлённо вскинул вверх брови, а рыцарь лишь покачал огромной головой, сидящей на могучей шее.

– Разве такое бывает? – наивно спросил принц, не зная верить этому или нет.

– А Вы задайте этот вопрос лучше ему, – и канцлер не оборачиваясь, вытянув руку назад, показал на высокого, худого как жердь старика, в накинутом на голову капюшоне тёмного плаща. Это был Саловал, главный служитель культа древних Богов, прозванный Аистом за свою худобу, которого Сайрус повсюду таскал за собой. Жрец вышел вперёд и, почувствовав себя в своей стихии смиренно произнёс:

– Глупо сомневаться в способностях тех, кто сотворил землю, зажёл солнце и звёзды, кто наполнил впадины морями и воздвиг горы, подперев каменной твердью небо. Кто сотворил всё живое на земле, кто создал человека, слепив его из божественной глины и наделив духом своего дыхания...

– Старик, не нужно пересказывать историю мироздания и

тем более называть глупцами. Ответь просто: да или нет, – невежливо перебил сир Генрих, недолюбливавший канцлера и его приближённых, те отвечали ему взаимностью, но привязанность юного принца к рыцарю мешала избавиться от него. Ничто не изменилось в лице Аиста, оно стало лишь ещё строже и, не глядя на гиганта он смиренно произнёс:

– Если Боги захотят, они смогут всё.

Слух о нашедшемся обозе долетел до соседних земель на удивление быстро и Арий отправил двух гонцов: одного брату за советом, второго к племяннику за разъяснением. Получив свиток, Рональд созвал городское собрание, на которое собрались влиятельные люди Роны, и городская власть; были здесь и Саловал с сэром Генрихом. Три семьи всегда рассаживались отдельно в полукруглом амфитеатре, и никто из представителей другого клана не смел, занимать чужие места. Вначале залы, в пятне бьющего из окон света, стояла трибуна, с которой наследник ознакомил собравшихся с последними новостями, хотя вряд ли кто-то не был в курсе положения дел. Ситуация являлась довольно щекотливой: признать обнаружение потерянного обоза в землях королевства, означало быть причастным к его пропаже, а отрицание данного факта уличило бы во лжи. Чтец зачитал обращённое к племяннику послание принца Ария, где тот настоятельно просил либо опровергнуть слухи, либо незамедлительно вернуть провиант.

– Чего сделать нельзя, – огорчённо добавил Рональд. –

Провизии в полном объёме давно нет. Кто-то, скорее всего жители окрестных деревень, а может просто бродяги растащили её, обнаружив неведомым образом, оказавшийся в моих землях обоз. И теперь чтобы вернуть всё, придётся либо изымать недостающее у крестьян, что неминуемо приведёт к волнениям, либо докладывать из городских запасов.

– И что же прикажет его Высочество? – поднявшись со своего места, спросил Роберт, старший дома Элиотов, занимавшегося скотоводством и земледелием, благообразный худосочный старик лет шестидесяти с хищным профилем.

– Но Мастер, у меня нет предложений, именно поэтому я и собрал совет. Ведь это общая проблема. Если я правильно понимаю.

– Вы правильно понимаете, мой лорд. А тебе, Роберт, не стоит прикидываться простаком, ведь будь это так, ваш Дом не стал бы одним из самых богатых в городе. Причём настолько, что запросто мог бы и сам собрать три таких обоза, – так же поднявшись со своего места, что являлось обязательным для подачи реплики, с сарказмом заметил Эйвон Лонг, Мастер дома рудокопов, крупный мужчина представительной наружности с выдающимся вперёд животом.

– Куда нашему Дому до твоего. Ведь мы не штампуем фальшивые деньги, а зарабатываем их своим потом и если уж кто в городе и сможет, выложить недостающие монеты, так это ты, – огрызнулся Роберт, затрагивая болезненную для рудокопа тему фальшивых реалов, выплавленных из на-

мытого золотого песка его предками и за которые те покупали когда-то всё и всех.

– Это всё сплетни завистников! И ты, каналья, прекрасно знаешь о том, что будь по-другому, Дом Лонгов не имел бы уважения в городе при всём своём богатстве...

– Тихо! – громовым голосом крикнул, сир Генрих рядом с ухом канцлера и тот болезненно сморщился. Крик этот, которым командир привык подавать команды, перекрикивая шум сражений, не раз спасал в бою жизни и здесь, усиленный акустикой высоких сводов прозвучал неестественно громко, заставив спорщиков стихнуть. – Оставьте ваши мелкие свары для трактиров. Нам нужно выработать общий план действий, потому что в ином случае всё закончится войной и пока решение не будет принято, ник-то из зала не выйдет, – уже тише добавил рыцарь, закрывая дверь своей могучей фигурой, но в опустившейся тишине его услышал каждый. В подтверждении этих слов, стражники церемониального караула, стоящие возле входа, выдвинув руку в сторону, преградили дорогу своими копьями. Глядя на это, Сайрус недовольно проворчал, массируя пальцем ушную раковину: – Что-то ты раскомандовался, Генрих, хотя никто не давал тебе такого права.

– Это право дал ему я, – стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, изрёк принц, сидя на своём игрушечном троне, ощущая на себе взгляды собравшихся, казалось забывших о его присутствии.

– Но Мой Лорд, – возразил Роберт Элиот и его глаза воинственно заблестели, – Вы пока ещё не король Роны и должны с нами считаться...

– Я так и делал, однако в сложившейся ситуации, угрожающей безопасности вверенному моим заботам королевству я принимаю всю полноту власти на себя, и если кто-то сочтёт меня узурпатором, это его право. Не теряйте времени, господа, завтра я еду на охоту и поэтому хочу выспаться, – слова эти прозвучали неожиданно из уст юного государя, в котором видели лишь мальчишку и не принимали всерьёз.

– Похоже, это будет птица высокого полёта, – поглядывая со стороны на принца, задумчиво прошептал канцлер Саловалу, на что тот так же тихо ответил:

– Если только боги не подрежут ей крылья, – Сайрус внимательно посмотрел на непроницаемое лицо жреца и ничего не сказал.

Осеннее солнце вышло в зенит, а потом быстро покати-лось к закату, но всё чего добились собравшиеся за это время, это окончательно переругались между собой. Предлагалось доложить украденное взяв ссуду в городской казне, но это не нашло поддержки ни среди теоретических заёмщиков, ни среди властей. Горячие головы предлагали отправить карательную экспедицию в близлежащие деревни и силой собрать недостающие припасы, были и те, кто вообще не хотел ничего отдавать, желая сразиться с войском братьев, а то, что это будут две армии, не сомневался никто. Когда беспо-

лезность дальнейших дискуссий стала очевидной, пыл спорщиков угас, но ничего дельного так и не прозвучало, принц посоветался с главами Домов и тогда слово взял Сайрус:

– Мы поговорили со старейшинами и пришли к выводу, что ничего из прозвучавшего не подходит для решения данного дела. Скидываться деньгами на недостающий провиант вы добровольно не хотите, заставить вас мы не вправе, да и не будем этого делать. Как не будем разорять своих крестьян и воевать с принцем Арием, – канцлер замолчал, обдумывая то, что собирался сказать, взглянул на Рональда и, получив утвердительный кивок продолжил: – По нашему мнению, мы изначально неверно подошли к решению этого вопроса, восприняв ситуацию отрицательно, хотя, возможно, она таковой и не является. – Раздались удивлённые крики, но принц, со своего места подняв руку, призвал всех к молчанию. – Народ Роны нуждался в продовольствии; зима близко и никто не знает, кто переживёт её, а кто нет. Боги милостивы, поэтому они отдали этот караван нам.

– Как же, дали. Украд у Ария? – крикнул кто-то со своего места, но канцлера это не смутило:

– Кто это сделал? Не я, в этом я могу поклясться. Если это кто-то из присутствующих, пусть встанет, и я обещаю не выдавать его нашему соседу, – никто не взял на себя ответственность и Сайрус после паузы продолжил: – Если боги отдали нам этот провиант, значит, Арий прогневал богов. Раз они так решили, да будет так.

– Но канцлер, – возразили ему взволнованным голосом, уж слишком неожиданным было решение, – не значит ли это, что начнётся междоусобие?

– Мы, как и Арий с Ураном бессильны против богов и тот, кто противится их воле, будет жестоко наказан. Поэтому завтра мы отправим послов в Гидеон, вместе с оставшимся провиантом и дарами его светлости, – тут Сайрус повернулся к Рональду, полупоклоном отдавая ему должное.

– Но примет ли их Арий или казнит на площади? – потирая бородку, спросил Эйвон Лонг.

– Послы неприкасаемые, а принц Гидеона не настолько глуп, что бы начинать войну из-за того, чего нельзя изменить.

Охота обещала быть удачной, Саловал лично принёс жертву и кровь ягнёнка ещё не стекла с алтаря когда, задолго до рассвета охотничий отряд принца Рональда выехал за стены Роны, гулко цокая в ночной тишине по брёвнам опущенного моста. В радиусе десяти миль за городом шли фермерские земли и, хотя сейчас урожай был собран, крестьяне всё ещё трудились на полях, перепахивая и загружая широкие пологие телеги копнами сена и соломы. Дальше к северу пашни заканчивались; всё чаще попадались изрезанные оврагами перелески и сосновые боры, пока, в конце концов, лес не занимал всю территорию, сливаясь единой линией с горизонтом. Он простирался к северу на огромное рассто-

ание, пока не упирался, редая в холодное море, покрытое большую часть года льдом.

Уже рассвело, когда кавалькада с королевским гербом на штандарте остановилась у опушки шумящей листвой в порывах ветра дубравы, где был разбит походный бивуак принца. Дворовая челядь отправилась раньше, чтобы поставить шатры, натаскать воду и приготовить завтрак к прибытию его светлости наследного принца. Наскоро перекусив, Рональд не стал отдыхать а, нетерпеливо вышел из шатра, взглянув на взошедшее солнце, потрепав загривок жожака охотничьей стаи, крупного рыжего пса, с устрашающих размеров клыками. Его охотничий азарт казалось, передался остальным. Кони грызя удила, пританцовывали на месте, собаки злобно скулили, натягивая верёвки. Вскочив в седло, принц кивнул старшему егерю и тот, ощущая значительность момента, степенно расправив пушистые усы, протрубил в огромный древний рог, окованный почерневшим от времени серебром. Раздался низкий протяжный звук похожий на утробный рёв гигантского зверя. Услышав его псы, неистово залаяли, предвкушая кровавую забаву, а кони натянули поводья. Это было хорошим знаком; принц тронул шпорами бока своей пегой кобылы, и кавалькада из двух десятков всадников и полусотни собак тронулась в путь. Охота началась.

Держась за стремя всадника егеря бежали рядом, указывая дорогу. Наследника всегда поражала эта способность лесовиков, невысоких, жилистых, одетых в шкуры и оттого по-

хожих на зверей, говоривших больше жестами, чем словами и смеявшихся беззвучным смехом. Лес они знали как свою собственную хижину, и если кто-то и мог дойти до его края, то, пожалуй, только они. Выйдя к клинообразной поляне, уткнувшейся широкой частью в овраг, отряд разделился примерно напололам: принц и дюжина его приближённых, в том числе и сир Генрих, вместо тяжёлых доспех одевший кольчугу, остались в засаде, спрятав коней на дне оврага, остальные же отправились к загонщикам.

Охватив полукругом огромный участок, те медленно приближались, производя немыслимый шум и неистово вопя. Вспугнутое зверьё выбегало на поляну и охотникам оставалось только расстреливать её из луков и арбалетов. Пока шла в основном мелочь: зайцы, лисы, енотовидные собаки, семейство диких кабанов, некрупные лани. Охотники били на выбор, по негласному правилу оставляя крупные экземпляры принцу, и вскоре вся поляна была устлана телами мёртвых или умирающих животных. Перед этим егеря несколько недель прикармливали дичь, оставляя в кормушках сено и овощи, поэтому зверья было много. Как травоядных, так и привлечённых ими хищников. Волки, рыси, ещё не залегшие в спячку нагуливающие жир медведи.

Было в этом что-то завораживающее, что привлекало Рональда, сделавшись его настоящей страстью: ожидание добычи, натянутая дрожащей струной тетива, полёт стрелы с разноцветным оперением, крик ужаса и запах крови. Жареная

на вертеле дичь, хмельная компания приближённых и охотничьи байки – всё это было потом, как жертвоприношение проявившим милость богам, как неизменный атрибут победителя, но вот именно это ожидание с заряженным арбалетом завораживало юношу.

Выскочивший на поляну благородный олень был прекрасен, то был настоящий царь маралов: высокий, с мощной широкой грудью и огромными рогами. Тревожно поводя большими глазами в сети прожилок вен, он нюхал воздух и, пусть ветер дул со стороны загонщиков что-то настораживало этого короля леса. Не идя к узкой перемычке земли, соединяющих природным мостом в узком месте два глубоких оврага, рядом с которым притаились охотники, он повернул в сторону. Хотя крики загонщиков становились всё ближе, инстинкт самосохранения заставил марала свернуть от дороги к желанному лесу. Глядя на лоснящийся бок оленя, Рональд ждал, когда тот станет досягаем для стрелы, но даже после этого принц медлил, выбирая момент когда можно будет поразить цель одним выстрелом.

Вдруг в овраге захрапела лошадь, испуганная приближением хищника, совсем негромко по человеческим меркам, но ухо оленя уловило его. Марал рванул с места, принц выстрелил с секундным опозданием и арбалетный болт, вместо того чтобы пробить сердце вонзился в бок. Захрипев от боли, гигант понёсся напролом к оврагу, но охотники лишь проводили его взглядом, добивать королевский трофей ник-то

не осмелился. Проклиная лошадь и конюха, принц бросился вслед за оленем, благо хлещущая из раны кровь указывала след. Свита принца последовала за ним, но сир Генрих, предостерегающе вытянул руку, и те отстали.

Быстрый и лёгкий на ходу Рональд шёл по следу зверя, рана была слишком серьёзной и погоня обещала закончиться быстро. Рыцарь, кряхтя и чертыхаясь, когда цеплялся ногою за корягу, шёл далеко позади, стараясь не терять принца из вида. Марал слабел; он падал, но каждый раз поднимался, забираясь всё дальше в густую чащобу. Преследователь видел это по примятой окровавленной траве, по багровым следам на стволах деревьев. Добыча становилась всё ближе и, готовясь к развязке так неудачно начавшейся охоты, принц поднял арбалет, уже видя голову непокорного великана на стене своей охотничьей залы.

Впереди слышался отчётливый шорох, вероятно гордый красавец, не имея сил, упрямо брёл вперёд и Рональд, повернувшись к наставнику, торжествуя улыбнулся. Он всё ещё улыбался, когда стрелы калёный наконечник вошёл ему в затылок, выйдя на переносице. Крик застыл у него на губах и, глядя на рыцаря мутнеющим взглядом Рональд упал. Заревев от отчаянья, сир Генрих рванулся к нему, перепрыгивая через поваленные деревья. Приложив палец к яремной вене на шее воспитанника, он замер, прислушиваясь. Он слишком много времени провёл на полях сражений, чтобы ошибиться в смерти наследника, но его сейчас интересовал

уже не мёртвый принц, а его убийца. Впереди слышался удаляющийся шорох листвы под ногами бегущих людей, но их количество мало волновало ветерана, выхватив из ножен меч, он бросился следом, намереваясь догнать их и заставить говорить перед смертью.

Миновав тушу умирающего марала, рыцарь побежал дальше. Когда-то он был хорошим бегуном на длинные дистанции, хоть с тех пор много воды утекло, сир Генрих всё ещё был в неплохой форме. Об этом говорило хотя бы то, что старый вояка всё ещё был жив. Убийцы разделились; рыцарь гнался теперь за тем, кто был ближе к охотникам. Дыхание сбилось, ветеран задыхался, но ненависть придавала сил; расстояние сокращалось, он ещё не видел бегущего, но слышал его сдавленное дыхание, шуршание подошв, ощущал кислый запах его пота. Внезапно шум впереди стих; пробежав с полсотни шагов, преследователь остановился в начале овальной поляны, высматривая убийцу. Сердце бешено колотилось, грудь вздымалась в такт частому дыханию, кровь стучала в виски и может быть, из-за этого рыцарь слишком поздно услышал шум падающего на него дерева. Инстинкты сработали: в последний момент он отпрыгнул в сторону, но всё же толстой сучковатой ветвью ему придавило ноги ниже колена. В горячке происходящего он почти не почувствовал боли, вытянувшись во весь свой гигантский рост он схватил выпавший меч и двумя ударами срубил мешавшую ему преграду. От удара ноги онемели и не слушались, волевым

усилием отогнав пелену боли, наконец-то настигшую его, он полз туда где, скрывая лицо накинутым капюшоном плаща, стоял человек, раскручивая пращу.

– Каналья, я тебя зубами рвать буду, – прохрипел великан, подняв голову. Выпущенный из пращи камень был последним, что увидел в этой жизни храбрый воин: взрыв боли разорвал голову, и тьма поглотила его, не дав увидеть лица своего убийцы.

Церемониальная зала королевского дворца Зелёного Дола была убрана поминальными лентами в честь объявленного траура. Два ряда из трёх пятнадцатифутовых колон поддерживали потолок, между ними висели огромные прокопченные люстры на сто восковых свечей, дававших достаточно света для королевских торжеств. Внутри было пусто, лишь два принца разговаривали у огромного полукруглого окна застеклённого крест-накрест витражом синего и красного цветов. Почти прямо под ним на небольшом возвышении, отделявшем эту часть от остальной, стоял уже сотни лет, сделанный в форме трилистника клевера королевский трон. Облокотившись на его почерневшую от времени спинку из морёного дуба Неман произнёс, не скрывая горечи утраты: – Вот так вот братец. Ничего не предвещало беды и чувствует моё сердце, это только начало.

– Не говори глупостей, – отмахнулся от дурных предчувствий собеседник, впрочем, не ощущая особой уверенности.

Он мало походил на единокровного по отцу брата: Рей Гард был высоким, стройным русоволосым юношей, Неман, старше лишь на два года, оказался не так высок и заметно плотнее, чёрные волосы его вились от природы, а бородка уже успела изрядно отрасти. – На охоте такое с каждым могло случиться.

– Нет, – убеждённо затряс головой старший брат, – его убили из засады и только недалёкий человек может дать убедить себя в обратном. Будь это несчастным случаем, непреднамеренное убийство как-то можно было понять, но виновник не выказал себя. А потом расправились с бедным сиром Генрихом, раздавив его как таракана падающим деревом.

– Подточенные бобрами деревья тоже падают. Убить мужа царской крови это очень тяжкое преступление, да и кому выгодна его смерть?

– А ты что и впрямь такой наивный, что не понимаешь? – теряя терпение, повысил голос Неман. – Да кому угодно!

– Во всяком случае, не мне, хотя я и не знал его толком. Нас разлучили ещё в детстве, и мне Рональд помнится испуганным ребёнком лет десяти, с полными слёз глазами.

– Да, с этим не поспоришь, – уже спокойнее произнёс владыка Зелёного Дола. – В его смерти есть выгода многим людям, но в первую очередь для наших дядьёв и меня.

– И всё-таки ты едешь на его похороны.

– Да, потому я король пяти королевств, каким бы наш отец. Пусть даже пока и номинальный. А потом он мой брат.

– И мой! – воскликнул Рей Гард. – Возьми меня с собой или давай я поеду вместо тебя, ведь в его смерти мне нет выгоды.

– Поедешь, но потом. Теперь ты займёшь место бедняги Рональда, и я решу этот вопрос с лордами Роны. А пока будешь здесь представлять меня до возвращения. Только не разрешай уродцу занимать трон, достаточно того что он неплохо устроился на твоей шее.

– Ты не прав брат. Сириус не сидит на моей шее, он мой советник и друг. И он совсем не уродец, да, у него есть проблемы со здоровьем, но это не мешает его уму и проникательности, – нахмурился младший брат, заступившись за сына Хранителя библиотеки. В последнее время Сириус стал очень значительным человеком, практически третьим в иерархии Зелёного Дола и это изрядно раздражало Немана. Пользуясь именем Рей Гарда он ставил своих людей на казалось бы, не значительные, но ключевые позиции при дворе, в армии, в городской страже, среди сборщиков налогов и жрецов храма. Даже городской судья по слухам был чем-то обязан ему. Словно паук он опутывал тоненькими ниточками жизненно важные органы города, приобретая всё большее влияние, обзаведясь маленькой армией шпионов и осведомителей. Об этом принцу не единожды докладывал Мастер Тайного приказа; с этим нужно было что-то делать, похоже уродец заигрался в вершителя судеб, и пора было расставить всё на свои места.

– Надеюсь, ты не спишь как с женой со своим проницательным другом. Если это было бы так, то отец наш умер бы от огорчения во второй раз, – усмехнулся Неман, не удержавшись от колкости и продолжил, меняя тему: – Сегодня я уезжаю на похороны Рональда, какое-то время пробуду там, потом туда поедешь ты, а Сириус останется здесь, заниматься свитками библиотеки, как, и положено новому Хранителю. Такой у нас будет уговор с лордами Роны. – Эд Гард хотел было возразить, но Неман остановил его жестом руки: – Я так решил. И поверь мне, брат, так будет лучше для всех.

Неман ушёл, звонко цокая каблуками по плитам пола, и шпоры на сапогах позвякивали в такт его лёгких шагов. Солнце, выйдя в зенит, начинало скатываться за горизонт, лучи его не жаркие, но какие-то тревожно-тоскливые окрасили залу в странный цвет. Была одна половина её синеголубою, а другая пурпурно алой, словно залита кровью. Толи от осенней тоски, толи от неестественности этого окраса сердце Рей Гарда болезненно сжалось. Он задумчиво потирал заросший русой бородкой подбородок, раздумывая над услышанным. В череде событий, которые невозможно было предвидеть, жизнь его кардинально менялась, была слабая надежда, что после похорон Неман передумает, но не это по-настоящему тревожило юного принца. Честно говоря, он просто не знал, как сказать об этом своему другу.

Королевская процессия, растянувшись длинной вереницей по узкой дороге, сжатой с обеих сторон непролазной чащей вышла к большой овальной поляне, на которой было решено устроить ночлег. Боевые кони в чёрных пополах шли небыстрым шагом, не уходя в отрыв от нагруженных скарбом рабочих лошадок. Хотя в Роне принца обеспечили бы всем необходимым, он предпочёл пользоваться своим. Неман вёз с собой недельный запас провизии, повара, брадобрея – тех, кому он доверял, не боясь быть отравленным или зарезанным опасной бритвой. Впереди ехали два воина с королевскими штандартами, украшенными символом царствующего дома: стоящим в лазоревом круге белом единороге, величественно поднявшим голову с длинным шипом.

От Зелёного Дола до Роны было не больше полутора суток езды, но отягчённому поклажей обозу день понадобился лишь для того, чтобы добраться до границ королевства. Завтра к обеду Его Величество окажется на нейтральной земле, территория которой по давнему договору подлежала совместному использованию, никому конкретно не принадлежа. А потом ближе к ночи начнутся владения Роны. Об этом можно будет узнать по дорожным столбам с изображением соответствующих гербов, ведь пока все пять королевств формально были единым целым, и границы между ними отсутствовали.

Поляну для своих нужд приспособили бортники или кто-то ещё из лесных скитальцев, повсюду виднелись чёрные

следы кострищ, да и сама она выглядела довольно ухоженной. Королевская челядь принялась рубить шести для установки походных шатров, выкладывать провизию, таскать воду кожаными вёдрами из ручья неподалёку, разводить костёр и готовить походный ужин.

Стреноженных лошадей конюхи пустили на выпас; кони, раздувая ноздри, настороженно фыркали от доносящегося запаха притаившихся в дебрях хищников. Хотя дорога эта бала коротким путём, связывающим два королевства, встречных было немного. Торговцы и зажиточные люди предпочитали сплавляться по Лее, пусть дорога тогда заметно удлинялась, зато вероятность быть обобранному в лесной глуши сводилась к минимуму.

Банды грабителей, возглавляемых полумифической предводительницей, неуловимой Минорой наводили ужас на богатей, к бедным же относились лояльно, нередко даже делились отобранном добром. Кто-то говорил, что она ослепительно красива и при взгляде на неё мужчина тут же терял голову. А кто утверждал, что лет ей уже под восемьдесят, и это высокая толстая старуха с бельмом на левом глазу и короной усыпанной бриллиантами. Но скорее всего, ошибались те и другие. Атаманшу из живых никто не видел, лишь молва о ней разносилась по весям и от того казалась она подобной разбойничьему преданию. Возможно, и не было никакой Миноры, а «подвиги» приписываемые ей совершались разными ватагами лихих людей, списывавших свои грехи на

«неуловимую» разбойницу.

В походном шатре Неман при свете свечи написал письмо с вестью о своём прибытии и, запечатав свиток сургучовой печатью, отправил с посланцем в Рону. День закончился, и можно было ложиться спать. Он уже собирался это сделать, когда неожиданная суета снаружи нарушила его планы.

Запоздалый гонец, спешившись с лошади, быстрым шагом направился к временной резиденции Немана, стоявшей особняком у края поляны, но часовые на входе преградили ему путь.

– Срочное письмо из Зелёного Дола, – воскликнул покрытый дорожной пылью запыхавшийся вестник, однако старший стражи лишь отрицательно покачал головой:

– Давай малец, я передам Его Величеству, когда он проснётся.

– Никак невозможно, дело настолько срочное, что я должен немедленно вести ответ. У вас найдётся быстрая лошадь, а то свою я, похоже, загнал.

– Лошадь-то найдётся, но будить короля я не буду, что бы там не стряслось. Садись и жди.

– Ты ответишь за это, чёртов демон, – молодой человек, невысокий, по-юношески стройный в запылённом камзоле и в сбитом на бок берете, со злостью пнул лежащее рядом полено и, бросая на стражу злые взгляды, присел на землю. В это время привлечённый шумом у входа наружу вышел Неман, шурясь со света в ночном мраке. Из низко нависших

туч накрапывал мелкий дождь и горящие у входа факела не давали достаточного освещения.

– Что случилось? – требовательно спросил он и стражник, указав на гонца, хотел ответить, но тот опередил его, вскочив на ноги и успев церемонно раскланяться выпалил: – Ваше Величество. Из самого Зелёного Дола я мчался к Вам, едва не загнав лошадь, а этот истукан не пускает меня пред Ваши очи.

– Так давай же письмо, – встревоженно произнёс молодой человек; с почтительным полупоклоном «малец» протянул свиток напомнив: – Ответ мне нужен сейчас, а самое главное Ваш брат просил передать на словах.

– Да что же там такое стряслось?! – негодуя воскликнул Рональд. – Лея вышла из берегов и утопила всех этих бездельников, которых Уродец посадил, пользуясь нашим именем?

Мальчик молчал, однако по усталому решительному лицу его было видно, что он лучше даст изрубить себя на куски, чем промолвит хоть слово при посторонних.

– Хорошо, заходи, – после короткого раздумья сказал Неман, но стражник, преградил гонцу дорогу, собираясь его обыскать.

– Осторожнее сир, – безропотно произнёс тот, покорно разводя руки в стороны, – я с детства боюсь щекотки и могу, не сдержавшись, обмочить ваши сапоги.

– Не нужно, Галлер, ведь это всего лишь мальчишка, – де-

лая ударение на первом слоге в имени, остановил его принц. Охранник посторонился, и гонец наконец-то вошёл в королевский шатёр, впрочем, ничем особо не отличавшийся от остальных, разве что более изысканным убранством. Словам сургучовую печать, принц развернул свиток и удивлённо взглянул на парня: – Но здесь же ничего нет.

– Нет, Ваше Высочество, потому что всё самое важное я должен сказать Вам лично, – неожиданно сделав шаг вперёд, тот приблизился к Неману вплотную, и слегка привстав на цыпочки, зашептал ему на ухо. Одновременно выпустив из рукава камзола спрятанный клинок, юноша, вкладывая в удар вес и силу инерции движения, вонзил его по рукоять в левую половину груди молодого монарха. Неман умер мгновенно, лишь вспышка боли отразилась в расширившихся зрачках и тут же глаза его помертвели, словно огонь, горевший внутри него, угас. Зажав готовый вырваться стон из уст жертвы свободной рукой, убийца опустил падающее тело в стоящее рядом кресло и, вытащив из тела нож, отправился к противоположной входу стене. Взяв стоящую на столе свечу в залитом воском канделябре, он разрезал крепкую промасленную снаружи ткань и, выставив в щель руку, сделал три круговых оборота, защищая свободной ладонью пламя от дождя и ветра.

Вернувшись к покойнику, он положил безжизненное тело на пол и сев на его место, бросил на стол снятые перчатки. Взяв замеченный раньше кувшин с водой и чистое холстин-

ное полотенце, не обращая внимания на шум начавшейся в лагере схватки, он достал из внутреннего кармана маленькую, с вида золотую баночку и, сняв крышку, закрыв глаза, принялся лёгкими движениями пальцев наносить мазь на своё лицо. Жестокий бой, разгораясь, дошёл да своей кульминации, во время которой несколько арбалетных болтов пробив покров, влетели внутрь, а потом стал стихать, откатившись к окраинам лагеря.

Спустя несколько минут кожа на лбу и скулах вдруг пошла морщинами, став отслаиваться по контуру лица. Выждав немного, убийца снял её, как снимают карнавальную маску, затем тщательно умылся, насухо вытерев кожу. Внешность его изменилась кардинально. Вместо круглощёкого юноши теперь это было лицо женщины средних лет с ямочками на щеках. Оно не было излишне худым или не в меру полным, гусиные лапки морщин у глаз говорили что время не щадило её привлекательности. Пожалуй, эту решительную даму можно было назвать красивой, но впечатление портили затаённой печалью глаза, придававшие образу суровое выражение. Обладательница таких глаз вряд могла быть счастливой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.